

(Не) желанные

Лягушки для
ПАПОЧКИ-ОЛИГАРХА

РИКА РОМ

Рика Ром

**(Не) желанные лапочки
для папочки-олигарха**

«Автор»

2026

Ром Р.

(Не) желанные лапочки для папочки-олигарха / Р. Ром —
«Автор», 2026

Я стою на пороге роскошного особняка, держа на руках двух малышек. Они всё, что осталось от моей разрушенной жизни после предательства родного брата. Ещё вчера у меня была нормальная жизнь, а сегодня ни гроша в кармане и отчаянная надежда на чудо. Он — холодный, неприступный мужчина, чей взгляд пронзает насквозь. Но в его глазах я вижу что-то большее, чем презрение. Возможно, это проблески интереса или даже сочувствия. У меня есть секрет, который может всё изменить. Секрет о том, что его биоматериал использовался для процедуры ЭКО, и теперь у него есть двойняшки...

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	8
ГЛАВА 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Рика Ром (Не) желанные лапочки для папочки-олигарха

ГЛАВА 1

– И кто же вы такая?

Вот он. Узник замка Иф. Хмурый, серьезный, с рентгеновским взглядом в черном, как душа дьявола костюме.

Он мне поверит. Иначе и быть не может. А если Шаповалов скажет, что я дура набитая и вышвырнет из своего «замка», я буду кружить вокруг высокого забора, пока он спустит на меня ротвейлеров, которых я видела в вольерах, когда шла через двор.

Никите и Полине нужен отец. Без него мы окажемся на улице. Это не шутка. Будем скитаться по вокзалам и ночлежкам, побираться у торговых центров.

Мой брат, чтоб ему пусто было, отписал нашу квартиру и машину за долги. И ещё кругленькую сумму «торчит» одному местному предпринимателю. Боюсь, следующей в списке даров буду я. Егор ничем не поступится, чтобы свою задницу спасти. Так всегда было.

– Я, – сглатываю горсть стекла. – Лямкина Анастасия Юрьевна. Здравствуйте, Алексей Ильич.

Не нравлюсь ему. Вижу по скупающей улыбке и руке, повисшей на поясе. Большой палец цепляется за дорогой ремень, а свободные пальцы отбивают чечётку.

– Скажи мне, что я вынужден был прервать видеоконференцию по веской причине?

– Причина очень веская, – моя ободранная сумка-шоппер из секонд-хэнда выносит все пытки. Достая сложенный втрое лист формата А4 и протягиваю ему. – Посмотрите.

Шаповалов прищуривается. Длинные ресницы бросают мрачные тени на нижние веки.

Берет бумагу. Разворачивает. Читает. Его лицо вытягивается, губы медленно приоткрываются. Секунда и он смеётся во все горло. Люстра с миллионом хрустальных капель звенит на весь зал. Коллекция бокалов в антикварном серванте устраивает хрустальный перезвон.

– Пошла вон.

Миг и он серъезен до одури. Брови, слегка выжженные солнцем, опускаются, ноздри раздуваются и на выдохе из них сочится дым. Ярость выплёскивается огненными вспышками. Омерзение, с которым смотрит на меня, витает в воздухе и ложится на мои плечи непосильным грузом.

– В этом пруду ты не понимаешь золотую рыбку, киса.

– Я не лгу. У вас есть дети. Двойняшки. Никита и Полина. Им девять месяцев.

– Интересно девки пляшут...

Распахивает полы пиджака, обеими руками акцентирует узкую талию.

– Я тебя даже не знаю.

– Почти два года назад... я... мне сделали процедуру ЭКО. Биоматериал ваш. Вы же не будете отрицать, что сдавали сперму?

Вытягивает губы, перекидывает вес тела с одной ноги на другую. Часы на его запястье брякают в полной тишине. Тик-так, тик-так...

Сердце вторит коротким ударам, ждет смертельного приговора или помилования.

– Мои юристы тебя слопают, девочка. И ты поймёшь, что зря решила «обуть» меня.

– Я... нет...

Кручу головой, рассыпая свои карамельные волосы по покатым плечам.

– Что ты «не»? – грациозный и очень разгневанный лев крадётся ко мне бесшумной поступью. – Думаешь, я идиот и не знаю, что должен быть в курсе, когда и куда используют мое семя? Без моей подписи ни одна бумажка в этом городе не пойдёт дальше моей секретарши Ниночки.

Скрежет зубов, горячее сопение. Я проигрываю. И вся смелость в пятки ухает. Мысли гогочут «беги, дорогая, беги!».

– Урвать кусок от Шаповалова заманчиво, да? Но знаешь сколько у меня таких как ты побывало? Таких наивных с виду Машенок? Человек пять. И только за последний год.

– Я не одна из них. Я...

– Да что ты?

Подушечками пальцев выводит узор на моей правой щеке, соединяет мои родинки в созвездие. Я хочу отвести от него взгляд, но не могу. Прикована суперклеем.

– Никита и Полина ваши дети. Я не была замужем, но очень хотела иметь детей. Со второй попытки у меня получилось забеременеть. Если вы не верите, обратитесь в клинику «Эволюция» и узнайте все сами.

– Святая простота. Где же ты раньше была? Почему сейчас? Нужда заставила? Если так, куда детей дела?

В этом холодном доме, с неуютным интерьером и предметами искусства из девятнадцатого века, я мёрзну до костей. А ещё едва дышу от монстра, проживающего в нем. Детские страшилки не миф. Они правда. На окраине города на самом деле опасно. И ходить одной сюда не стоит. Но я пришла. Ведь выбор невелик. Либо полуразрушенный домик под Саратовом, либо господин Шаповалов с его подземельем, кишашим призраками.

– Нам негде жить. Мой брат задолжал Никифорову и в прошлом месяце меня с детьми вытолкали из квартиры, отобрали старенькую Тойоту. Мо счета пусты и... до сегодняшнего дня мы ютились на съемной квартире, но денег заплатить за следующий месяц нет.

Выдаю честно и откровенно. Детектор лжи, стоящий передо мной, переваривает информацию, слегка отклонившись назад и сжав челюсть.

– С кем сейчас дети?

– С моей подругой. В такси за воротами. И, – прикусываю губу, прячу глаза. – Даже если мы с ней сложимся, то денег все равно не хватит расплатиться с водителем.

– Идём.

Не успеваю за сменой его настроения. Минутой ранее, он готов был меня казнить, а сейчас желает взглянуть на крошек. Я сама по ним уже жутко соскучилась. И кушать им пора, да и памперсы полные, наверное.

– Ты идёшь?

Шаповалов у двери. Крепкая рука намертво обхватывает изогнутую ручку с закругленным краем.

Я отрываюсь от пола со скрипом подошв. Чёртовы балетки скоро развалятся, оставив после себя неприятные воспоминания.

Господи... никогда не чувствовала себя большей нищенкой и оборванкой...

При свете уличных фонарей, Алексей не выглядит таким уж диким и взбешённым зверем с суровым взором. Скорее одиноким отшельником, редко покидающим закрытую и хорошо охраняемую территорию.

– побыстрее, пожалуйста.

Торопит. Выходит за ворота на подъездную площадку, выложенную резной плиткой. Я чуть ли не подлетаю при каждом шаге. Дважды запинаясь стертыми носками за ровную дорожку.

Наконец, Рита, моя соседка, а не подруга, замечает нас и выбирается из салона Убер.

Алексей внимательно изучает девицу в мини-юбке, кислотно-зеленых гольфах и свитере-балахоне, спадающем с одного плеча.

– Ну, ты блин, офигела, Настюха. Я в няньки не записывалась! Они орут и орут. А заплатила ты мне с Гулькин нос. Даже на бутылку хорошего вина не хватит, чтобы в себя прийти после этой мелюзги истеричной. И за такси торчишь, не забывай!

Я отталкиваю Ритку от машины, опираюсь одним коленом о сиденье и склоняюсь над малышами в двойной люльке. Никита трет глазки, Поля хнычет. Они устали. От плача, от почти полуторачасовой дороги.

- Мои лапочки, – целую их поочередно. – Давайте-ка выбирать.

Кряхтя, тяну кресло на себя и ощущаю мужское присутствие позади.

Молча, выпрямляюсь. Шаповалов берет детей, вытаскивает на свежий воздух и зовёт одного из своих каменных истуканов.

Парень с лицом рестлера-неудачника принимает ношу с двумя крошками.

– Отведи Настасью и детей в дом, я буду через пять минут.

Запрограммировано кивает словам хозяина и тащит моих деток к воротам из черного металла с острыми наконечниками наверху.

Я спешу за парнем. Разок оборачиваюсь и смотрю, как современный «граф» расплачивается с водителем и сует несколько купюр Ритке.

Пойманное ранее облегчение испаряется. Я влипла и похоже не совсем понимаю во что. Хотела спасти свою маленькую семью, но попала в лапы более страшного хищника, чем голод и бродяжничество...

ГЛАВА 2

В гостиной одинокого олигарха, я немного успокаиваюсь. Тепло исходящее от камина вгоняет в легкую дремоту. А пляшущие языки пламени, привлекают внимание сытых малышей. Они вдоволь насосались моего молока, я сменила им памперсы, и теперь они не будут хныкать несколько часов. Можно перевести дух.

Вскоре крошки засыпают в своих креслах под треск поленьев. Я же должна сохранять стойкость. Должна выдержать грядущий разговор с хозяином дома. Он уже заглядывал, но тогда я кормила деток, и он не стал тревожить.

– Для вас приготовили комнату. Располагайтесь.

От басовитого голоса волосы на затылке дыбом. Медленно оборачиваюсь и вижу Шаповалова в арочном проеме с синеватой подсветкой. Она не очень сочетается с канделябрами, напольными вазами и гобеленами на стенах. Но дизайнер не я. Наверняка, какая-нибудь именитая личность занималась обустройством этого особняка у черта на куличках.

– Спасибо, но...

– Вы остаетесь здесь, пока я не придумаю, что с вами делать.

Тон не дает шанса войти в спор. Но я попытаюсь. Почему он передумывает? Конечно, я безумно счастлива и все такое, но с чего вдруг? Его грудной смех до сих пор звучит в ушах. Неверием, которым он был наполнен никуда не исчезает.

– Вы мне поверили?

– Нет. И об этом завтра. Спокойной ночи.

Алексей потуже затягивает пояс своего шелкового халата цвета горького шоколада и направляется к витой лестнице с коваными перилами.

– Постойте!

Я убеждаюсь, что детки не упадут с дивана и спешу за мужчиной. Он встречает меня недовольным лицом. Глубокие морщины, будто проеденные кислотой, испещряют лоб и переносицу. Губы, обрамленные густой бородой, плотно сжаты.

– Ваша спальня на первом этаже. Домработница обо всем позаботилась, вам будет комфортно с детьми.

– Спасибо, – кладу руку на холодный металлический шар, украшающий исток перила. – Объясните мне, почему вы передумали? Документ из клиники вас не убедил, ведь так?

– Я привык верить фактам, Настасья Юрьевна. И как я уже сказал, завтра мы подтвердим или опровергнем ту бумажку, что вы мне принесли.

– Вы хотите сделать тест–ДНК?

– Вы очень умны.

Заносит ногу на ступеньку, а я снова бросаю ему вдогонку:

– Я бы никогда не пришла, будь у меня выбор. У меня была работа, хорошая жизнь, но все рухнуло разом. Мой брат поступил ужасно, и теперь я вынуждена скитаться, искать выход для себя и малышей. Они же ни в чем не виноваты. Не виноваты, что их дядя козел.

– Спокойной ночи, Настасья Юрьевна.

Господи. Как же мне достучаться до этого затворника с пугающим обаянием? Он не бог весть, что думает обо мне. А я трудяжка. Работаю с восемнадцати лет. У меня два высших образования. Но никто не застрахован от неудач и излишнего доверия к людям.

Я люблю Ромку и поэтому всю жизнь поправляю его косяки. Всю жизнь расплачиваюсь за его опрометчивые поступки. То кредит ему взяла на бизнес, и в итоге тот прогорел, то в автомобильную аварию попал и я покрывала ремонтные расходы. Дурочка? Возможно. Но он же мой брат. Мы не знали родителей, выросли в детском доме. И я дала себе обещание, что всегда буду поддерживать младшего брата. Стану для него опорой.

Но это было до встречи с двумя амбалами, которые с гнилыми ухмылками помахали у меня перед носом договорами купли–продажи на квартиру и на мою машину.

Теперь я Ромку видеть не желаю. Из–за него я мыкаюсь с детьми по городу, ищу пристанище, а он не пойми, где опять.

При мысли о его смерти мне дурнеет.

– Алексей...

Поздно опоминаюсь. Владелец мрачного жилища теряется в темноте второго этажа. Выдыхаю тяжело.

Возвращаюсь к малышам усталой походкой, беру кресло за ручку, и рядышком появляется милотвидная женщина. На ней передник, будто она прислуживает английскому лорду, серое скучное платье, а на голове копна седых волос.

– Я вам помогу, Настасья. Меня зовут Евдокия.

Улыбается по–доброму, в груди сразу теплеет.

– Спасибо. Они тяжеленькие. Родились малютками, а сейчас вон какие бутузы.

– Давненько уж в нашем доме деток не было. Ох, давненько.

Говорит с легким вологодским говорком. Он едва заметен. С годами видать огранился, обтек.

– Мы не собирались оставаться. Простите.

– Ты энто брось, милая. Поживете с нами, глядишь, и Алексей Ильич обмякнет чутка.

– Суровый он, да?

Мы движемся к коридору возле лестницы. В нем темень страшная. Глаз выколи.

– Осторожно, тута ступенька. – Предупреждает Евдокия.

Я аккуратно нащупываю выступ, спускаюсь. Никитка с Полечкой кряхтят тихонечко. Сейчас, мои хорошие, еще немножко.

В спальне, которую нам выделили очень приятная атмосфера. Будто кто–то распустил клубочек с пряжей, и она покрыла мягким уютom каждый уголок.

Евдокия включает лампу на комодe, и я охаю. Кругом кремовые тона. Даже удивительно. Ведь сам дом – это логово тайного ордена. Не меньше. А здесь царит свет.

– Раньше здесь жила дочь Алексея Ильича, но уж пять лет как ее не стало.

– Не стало?

Округляю глаза неосознанно и замираю у кровати, придерживая кресло с детками.

– Болела сильно. Рак. Он по сей день переживает. Мучается. Дом опустел. Из него ушла жизнь.

– Господи, – присаживаюсь на пуховую по ощущениям кровать, смотрю на спящих деток. Не представляю, чтобы со мной было, если бы с ними что–нибудь случилось. – Мне так жаль...

– Хватит о грустном. Лучше скажи, как величать крох?

– Это Полюшка, – глажу животик доченьки. Ее глазки подрагивают во сне. – А это Никитушка.

Сыночка касаюсь другой рукой. Два ангелочка с пухлыми щечками и розовыми губками.

– Ох, родная. Дочку Алексея Ивановича Полечкой звали.

Евдокия сводит ладошки у груди, ее круглое лицо бледнеет. Уголки губ плавно опускаются, глаза наливаются грустью.

Не могу подобрать слова. Доченька посапывает и ей все равно на совпадение, а мне тошно. Шаповалов холоднее крещенских морозов и молчаливее младенца, но моя душа и сердце на части. Никто не заслуживает терять любимых людей. Никто. Даже чудовища. Всем больно. И некоторые шрамы не заживают столетиями.

Похоже, раны Шаповалова как раз такие. Еще свежие, еще чувствительные.

– Сладких вам снов, – полущепотом будоражит натянутую тишину Евдокия. – Если что понадобится, я поблизости живу. Стучися в третью дверь слева.

– Хорошо. Спокойной ночи.

Заботливая домработница или скорее незримая хозяйка дома, уходит. Я вынимаю малышей из неудобных кресел, в которых они провели слишком много времени, укладываю на кровать. Обложив их подушками, раздеваюсь до нижнего белья и ложусь так, чтобы крошки были в полной безопасности.

В голове сотни мыслей. Памперсов едва хватит на одну смену. Вся их одежда в оккупированной дружкой Ромки квартире. У меня тоже нет запасного комплекта.

Мы в заднице. Надеюсь, ненадолго.

ГЛАВА 3

Утром я с удивлением обнаруживаю в комнате горы одежды. Некоторая в чехлах, некоторая в прозрачной упаковке. А ещё куча обувных коробок с логотипами известных брендов, разноцветные пакеты с детскими вещами и средствами по уходу за малышами.

Охаю, прикрывая рот ладошкой.

Полюшка с Никиткой ещё спят. Я буквально час назад их покормила, и они притулились друг к другу в сладком сне.

– Что же мне со всем этим делать?

Вопрос летит в воздух и мне тут же возвращается ответ:

– Все, что не подойдет, вернут в магазины.

Вздрагиваю. Из темного угла выходит Алексей. На нем угольно–черный костюм, рубашка с синеватым отливом и классические туфли. Элегантен, выдержан, будто хорошее испанское вино. Он, кстати, похож на испанца. Смуглый, темноволосый, с зоркими карими глазами.

– Не нужно было... это же все очень дорого...

– Мои дети ни в чем не будут нуждаться.

– Дети?

Мои ещё сонные брови изгибаются дугами.

Алексей, молча, сокращает расстояние от угла до кровати, на которой я сижу, и вручает мне идеально ровный лист. Дрожащей рукой беру бумагу и медленно отпускаю взгляд на текст.

В графе предполагаемый отец – Шаповалов Алексей Ильич.

В графе предполагаемый сын – Никита Лямкин.

В графе предполагаемая дочь – Полина Лямкина.

Родство подтверждено с точностью в девяносто девять целых и девять десятых процентов.

Он папа.

Папа!

– Вы сделали тест без моего разрешения?

Я громко сглатываю.

– Теперь мои юристы разнесут в прах эту конторку «Эволюция».

– Вы не ответили на мой вопрос.

Шаповалов вырывает у меня листок, аккуратно складывает вчетверо и сует во внутренний шелковистый карман пиджака.

– Я и так достаточно уделил вам времени, Настасья Юрьевна.

Намеревается уйти. Что за манера? Почему со мной нельзя нормально поговорить?

– Погодите и это все? Вы больше ничего не скажете?

– Поздравляю, теперь вы и дети до конца жизни будете обеспечены всем необходимым.

Приоткрывает дверь. Я спрыгиваю с кровати, хватаю его за руку, и приятная на ощупь ткань трещит.

– Что вы делаете?

Он цедит сквозь зубы. Ему мерзки мои прикосновения. Я перехожу границы, и его это нервирует. Сильно выступающий кадык плавает вверх–вниз, намекая «девочка, угомонись».

– Вы не можете вот так бросить мне набегу свое решение и уйти.

– А чего вы хотите? Чтобы я предложил вам руку и сердце?

Смешно, конечно, но мое сердце при этой мысли пропускает удар за ударом.

– Нет, но...

Полечка куксится. Следом за ней повторюшка–дядя Хрюшка капризули устраивает Никитка. Я отрываю сначала указательный палец от руки Алексея, а затем и все остальные. Но он не уходит. Смотрит на кровать, где дети.

– Извините, что мой человек копался в ваших вещах в поисках паспорта и свидетельства о рождении. И за детские волосы, извините. Отщипнули немного.

Вдруг говорит суровый владелец дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.